

Страх Божий: боязнь или любовь?

Как стадо, вел Ты народ Твой рукою Моисея и Аарона (Пс.76.21)
Господь Вседержитель. История Моисея и Аарона. Византия. Константинополь, XI в. Псалтирь Теодора.
Англия. Лондон. Британская библиотека

*Я – СВЕТ, а вы не видите Меня.
Я – ПУТЬ, а вы не следуете за Мной.
Я – ИСТИНА, а вы не верите Мне.
Я – ЖИЗНЬ, а вы не ищете Меня.
Я – УЧИТЕЛЬ, а вы не слушаете Меня.
Я – ГОСПОДЬ, а вы не повинуетесь Мне.
Я – ваш БОГ, а вы не молитесь Мне.
Я ваш лучший ДРУГ, а вы не любите Меня.
Если вы несчастны, не вините Меня!*

Выражение «страх Божий» часто ставит в тупик: как бояться, если Бога мы должны любить? Можно еще вспомнить апостола Иоанна, который писал: «Боящийся не совершенен в любви» (1 Ин. 4:18). Так как же – бояться, любить и что это значит? Рассуждает игумен Нектарий (Морозов).

Что такое страх Божий?

Объяснить, что такое страх Божий, человеку, который не испытывает по отношению к Богу личных чувств, непросто. С чем обычно ассоциируется страх? С паникой, ужасом, состоянием подавленности, когда воля человека буквально парализована. Страх Божий со всем этим ничего общего не имеет.

Наверное, в этом случае мы в очередной раз сталкиваемся с тем, что слова не могут до конца выразить реалий и явлений мира духовного, так как они для этого слишком несовершенны. Если попытаться все-таки объяснить, что такое страх Божий, можно сказать, что это – чувство благоговения и священного трепета перед Богом.

Это состояние должно быть в какой-то мере знакомо людям, по-настоящему друг друга любящим: ты боишься что-то сделать не так, обидеть, оскорбить любимого человека, причинить ему боль. Не того даже боишься, что ты как-то упадешь в его глазах и он разочаруется в тебе – нет, просто опасаясь сделать что-то несоответствующее, противное этой любви, погрешить против нее.

Однако в отношениях с Богом существует еще и то, чего между людьми не может и не должно быть, – это ощущение огромного расстояния между нами и Творцом. С одной стороны, Господь ближе к человеку, чем воздух, Он его со всех сторон объедает и покрывает, носит и сохраняет. Но в то же время между нашим человеческим несовершенством и Божественным совершенством пролегает пропасть.

И когда мы, становясь на молитву, понимаем, что обращаемся к Богу, величие Которого даже непредставимо, то ощущаем себя крошечными, немощными, хотя зачастую и мним себя в жизни чем-то великим и крайне важным. Вот это – тоже ощущение страха Божия.

Нечто подобное человек испытывает, оказавшись в горах перед огромной массой камня, уходящего куда-то в заоблачные дали своей вершиной. Он познаёт величие Божие. Господь говорит устами пророка: Мои мысли – не ваши мысли, ни ваши пути – пути Мои... но как небо выше земли, так пути Мои выше путей ваших (Ис. 55, 8–9). И в этих словах указывается то расстояние между человеком и Богом, которое действительно нельзя ни измерить, ни постигнуть до конца.

Помнить о том, что мы предстоим пред Господом

Очень важно, чтобы благоговение перед Богом и боязнь оскорбить Его любовь к нам не исчезали со временем, потому что именно страх Божий сохраняет от очень многих грехов, неверных поступков, слов, мыслей. Когда человек живет в ощущении Божиего присутствия, это накладывает отпечаток на всю его жизнь.

Есть такая закономерность: когда мы вновь и вновь останавливаемся на какой-то важной мысли, она начинает постепенно в нас проявляться, как изображение на фотобумаге. Если человек память о том, что на всяком месте Господь присутствует и он на всяком месте пред Богом предстоит, регулярно в себе оживляет, обновляет, то в нем страх Божий будет так или иначе жить. Когда же человек просто живет, о Боге не вспоминая и не помышляя, то в его сердце страх Божий будет, по выражению старицы Досифеи, подобен птичке: вылетит – не поймашь.

Продолжение на стр. 2

Действительно, его легко потерять и трудно приобрести, поэтому к нему надо стремиться и за него надо держаться.

У людей святой жизни по мере их восхождения к Богу чувство страха Божия становится более постоянным, неотъемлемым. Ведь христианское преуспевание человека заключается не столько в том, что он побеждает в себе какие-то страсти, изменяется, сколько именно в том, что он живет в ощущении Божественного присутствия. Жить в присутствии Бога – значит уже совершенно естественным, а не принудительным образом поступать, мыслить и чувствовать так, как будто Он рядом стоит.

С другой стороны, это неотъемлемое ощущение страха Божия у святых носит менее болезненный характер.

Оно уже в большей степени перерождается скорее именно в любовь, нежели в страх. Почему совершенная любовь изгоняет страх, как говорит апостол Иоанн Богослов? Что это за механизм, если можно так выразиться?

Совершенная любовь изгоняет страх как панику, как ужас, как стремление закрыть голову руками и ждать, что на нее вот-вот падет кара Божия. Вспомните, после своего грехопадения Адам и Ева скрываются от Бога, Который спрашивает: «Адам, где ты?». И получает ответ: «Я услышал глас Твой и убоялся». Это и есть паника, ужас от мысли о наказании.

Не к этому страху христиане должны стремиться. По мере совершенства такой животный страх, адамов страх наказания за содеянное зло, изгоняется, а чувство благоговения и священный трепет как свойство совершенной любви человека к своему Создателю, наоборот, делаются более глубокими и сильными.

Жить по совести – и довольны?

Бытует мнение, что есть люди, которые не ходят в храм и даже порой не знают сами, верят они в Бога или нет, но живут по совести, по некоему нравственному закону. Я бы сказал, что на каждого такого человека нужно смотреть в отдельности. Это уже стало общим местом: «Есть неверующие, которые гораздо лучше верующих». Есть ли они? Есть, но крайне мало.

В Церкви я встречал и встречаю людей, которые в борьбе со своим ветхим человеком побеждают – поступают по велению своего христианского долга вопреки земному человеческому рассуждению. Причем иногда понуждают себя, а иногда делают это уже как нечто для себя естественное. И говорить, что тех самых неверующих людей, которые гораздо лучше, много и что они представляют собой какую-то отдельную категорию – нет, я бы ни за что не стал.

Отчего возникает подобная иллюзия? Оттого, что многие из

нас, христиан, зачастую таковы, что хуже некуда, и поэтому на нашем фоне и неверующие люди иногда вполне хороши.

Ощущение, скажем так, добра и зла заложено в человеческой природе первоначально. Другое дело, что под влиянием среды и собственной недисциплинированности, распущенности мы можем в себе его совершенно подавить – вплоть до того, что провести эту границу будем уже не способны. У неверующего человека тоже есть внутреннее ощущение добра и зла, и потому может присутствовать страх Адама, то есть предчувствие воздаяния за недобрые и неверные действия, а вот именно страха Божия у того, кто отрицает Бога, быть не может.

Есть нецерковные люди, которые руководствуются в жизни принципом бумеранга: содеянное тобой к тебе вернется. Но это не отголоски страха Божия – это, скорее, отголоски знания истины, которым человек был наделен первоначально. В падшем человеке все это по-прежнему присутствует, но в подавленном состоянии, и в какие-то моменты проявляется.

Почему порой мы видим, как дети живут совершенно неведомой, непонятной для взрослых религиозной жизнью, хотя их никто этому не учил? Потому что неосознанное, подавленное вдруг распрямляется, как примятая ногой трава. Но это всё очень зыбко, и без должного развития все равно подавляется.

Кто-то верит в принцип бумеранга, кто-то – в закон сохранения энергии, кто-то напоминает себе и окружающим, что земля круглая, но если за этим не видится главное – личность Бога, – то этим рассуждениям очень невелика цена. Ведь суть христианства и вообще религиозной жизни заключается не в том, чтобы быть нравственным, честным, чистым человеком, – это лишь сопутствует религиозной жизни. Главное – это воссоединение человека с Богом и личные отношения с Ним.

Одно естественно связано с другим: когда человек хочет приблизиться к Богу, он понимает, что этому препятствует внутренняя нечистота, и начинает с ней бороться. По мере того, как человек к Богу приближается, и нечистота в нем умалется – и вследствие борьбы, и вследствие приближения.

И надо сказать, что именно в личных отношениях с Богом и рождается то, что мы называем страхом Божиим. А жизнь, пусть даже правильная, в которой человек руководствуется какими-то добрыми, хорошими принципами и ощущением неотвратимости воздаяния, но не имеет личных отношений с Богом, не может привести ко спасению. Потому что спасает человека ощущение любви Божией и отклик на нее своей любовью.

Записала Инна Стромиллова

<http://www.pravmir.ru/strah-bozhiy-boyazn-ili-lyubov/>

Сентябрь в истории

8 сентября 70 г. 1945 лет произошло падение Иерусалима перед войском Тита.

Великое иудейское восстание против римлян, вошедшее в историю как Первая Иудейская война (66-73 годы), ознаменовалось прекращением регулярных жертв за благополучие римского императора. При подавлении этого восстания римская армия во главе с Титом, сыном римского императора Веспасиана, осадила Иерусалим. Осада и бои за город длились 5 месяцев. Неоднократные попытки римлян овладеть городом долгое время были безрезультатны, но в конце концов увенчались успехом – 8 сентября 70 года Иерусалим был взят, а главная святыня иудеев – великолепный беломраморный храм Соломона был сожжен. На десятый день после взятия города 60-тысячное войско Тита полностью овладело сопротивлявшимся Иерусалимом. В ту пору в этом городе проживало без малого миллион человек. Храм горел все 10 дней, а позднее и весь Иерусалим был превращен в руины. Храмовая гора была распахана. Римлянами были пленены почти 100 тысяч жителей. Остальные погибли от меча, голода и рабства. Часть храмовой утвари из разрушенного Храма уцелела и была захвачена римлянами, среди них и знаменитая Менора. Мощное народное

восстание против римского владычества, длившееся в течение нескольких лет в Иудее, тогда одной из богатейших провинций Рима, было подавлено. Разрушение Иерусалима и сожжение Храма положило начало рассеянию евреев по всему миру. Город длительное время находился в руинах и запустении. На этом история Иерусалима как столицы еврейского государства прерывается почти на две тысячи лет.

Осада и разрушение Иерусалима римлянами под командованием Тита, 70 год. Дэвид Робертс, 1850 г.